

УДК 821.161.1

С.А. Мартьянова

Русская и мировая классика на страницах романа А.И. Солженицына «В круге первом»

Автор статьи анализирует природу присутствия текстов русской и мировой классики в романе А.И. Солженицына «В круге первом». Показывает, как Солженицын отстаивает аутентичный характер прочтения классических произведений в противовес «археологическому» типу герменевтики, преобладавшему в официальном литературоведении и учебных программах советского периода. Подчеркивает родство поисков А.И. Солженицына с идеями русских философов начала XX в., писателей русского зарубежья и представителей независимой отечественной литературы.

Ключевые слова: литературная классика; реминисценция; интертекст; реальность.

Роман А.И. Солженицына «В круге первом» содержит множество отсылок к текстам Священного Писания, философским работам, произведениям мировой и русской классической литературы. Они присутствуют либо в форме прямых цитат в авторском повествовании, либо в репликах персонажей, либо обсуждаются героями произведения, либо угадываются как некие архетипы, положенные в основу художественного мира. Среди персонажей произведения есть писатели (или будущие писатели), филологи, философы, художники. На «сложную систему мотивных перекличек» в романе «В круге первом» обратил внимание А.С. Немзер [5: с. 116].

Объяснить феномен присутствия русской и мировой классики на страницах произведения Солженицына невозможно только обычными влияниями и заимствованиями или интертекстуальными связями. Намного важнее, на наш взгляд, поставить вопрос в другой плоскости: в чем необычность обращения писателя к наследию русской и мировой классики в контексте советской России? Частично на этот вопрос ответил Ж. Нива, сравнивший марфинскую шарашку с лицеем и академией: «В течение четырех лет Солженицын вел беседы с самыми образованными... Это обучение в виде диалога, на древнегреческий манер, описано в “Круге первом”» [6: с. 88]. Вместе с тем тюремный опыт и опыт «сократических диалогов» с узниками ГУЛАГа стал источником новых размышлений писателя о предшествующей литературе. Собственный опыт понимания формировался в русле полемики с официальной идеологией, предлагавшей (через школьные и университетские программы) свое прочтение классической литературы. Попробуем понять, как это происходит.

Иронический пассаж об изучении классики в советских школах включен в состав романа «В круге первом». Одна из героинь произведения, дочь высокопоставленного чиновника из министерства внутренних дел Клара, окончив школу, поступает на литфак, но быстро оставляет его, пережив разочарование. Солженицын включает в роман фрагмент о том, как преподавали литературу школьникам и студентам: «И вся-то литература состояла в школе из усиленного изучения, что хотели выразить, на каких позициях стояли и чей социальный заказ выполняли все писатели эти и еще потом советские русские и братских народов» [1: с. 243]. По мысли А.И. Солженицына, единственно возможный классовый подход превращал писателей в вечно ошибающихся «вампилов молодых душ» [1: с. 243].

Прочитанный фрагмент таит в себе более глубокую мысль: литература, преподнесенная в свете готовых идеологических решений и схем, уводила человека от подлинной реальности и ничего не говорила «о самом главном в жизни», поэтому Клара не видит смысла в дальнейших занятиях филологией. Вместе с тем, как показал А.С. Немзер, повествовательной ткани романа свойственна «вибрация» между линией автора и героя [5: с. 116]. Автор разделяет с Кларой ее недовольство преподаванием литературы и поиск «главного в жизни», но сам не спешит расставаться с литературой как таковой. Точнее, писатель ставит вопрос о том, какой должна быть литература, способная сообщить о «главном в жизни». Ответ на него будет непростым, спрятанным в лабиринты полифонического произведения, требующего особой культуры читательского понимания.

Другим свидетельством об утрате подлинного понимания классики в советское время становится реакция Нержина на упоминание Сологдиным романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «“Бесов”?.. Да разве мое поколение...? Что ты! Да где было их достать? Это ж — контрреволюционная литература! Да опасно просто!» [1: с. 149].

Таким образом, А.И. Солженицын подвергает критике «археологически ориентированный» (если воспользоваться термином французского философа П. Рикера) тип герменевтики, возобладавший в советском литературоведении. Эта установка провоцировала разоблачение, снижение классики, подозрительное и отчужденное отношение к ее смыслам и ценностям. Именно такая картина, положенная в основу концепции школьного и университетского литературного образования, уводила литературу и ее читателей от «главного в жизни».

Напомним, что в 1920-е гг. согласно партийным директивам в советской России сформировались два основных типа отношения к классической традиции. Первый — радикальный, характерный для групп Пролеткульт, РАПП, ЛЕФ. Второй — умеренный, связанный с утверждением преемственности, свойственный, например, участникам группы «Перевал». Но освоение классического наследия, о котором много говорили участники группы «Перевал», должно было идти рука об руку с его освобождением от реакционных элементов. Именно об этом

шла речь в статье А.К. Воронского 1924 г. «На перевале (дела литературные)». Средства старой литературы предполагалось только использовать для выявления «нового человека, зреющего в недрах пролетарско-крестьянской гущи» [4: с. 396–406].

Новая литература, как видно из программы «Перевала», должна была опираться на внешние пласты классики, а не на ее сущностные элементы. Формы прежнего искусства были призваны выразить новое содержание: приближение «светлого будущего», «элементы завтрашней морали», «новый гуманизм». Позднее этот принцип был унаследован литературой социалистического реализма, прибегавшей к внешней традиционности для изображения «действительности в ее революционном развитии». Вот как Нержин представляет «драматический сюжет» «для соцреализма»: «Сегодня узнаю, что Ройтман, оказывается, живет в этом самом доме. И меня стало терзать, ну, просто, добросовестность создателя: или, если хочешь, вопрос престижа: скрипят там мои полы или не скрипят? Ведь если скрипят — значит халтурная настилка? И я бессилён исправить!» [1: с. 27].

Теория нового искусства началась с резкого отмежевания от классики, но потом позиция несколько смягчилась: возникло деление реализма на критический (с его двумя ветвями — буржуазно-дворянской и революционно-демократической) и социалистический. Но реализм прошлого ретировался как себя исчерпавший. Место гуманизма XIX в. занял некий «конкретный гуманизм», возникающий на основе четкого классового самоопределения. Л.К. Чуковская, свидетель этих литературных процессов, с горечью написала в «Записках об Анне Ахматовой»: «Поколения, идущие следом за моим, утратили русскую классику... Теперешняя молодежь не может пробиться к классикам» [9: с. 218].

Подытоживая краткий экскурс в историю рецепции классики в советской критике и науке, скажем, что литературное наследие XIX в. нередко рассматривалось как нечто преодоленное, устаревшее, отжившее. Религиозно-философское наследие Серебряного века, литература русского зарубежья, как и произведения «репрессированной» литературы, были известны немногим и не входили в учебные программы. Вот почему «прорыв» Солженицына к классике представляется таким удивительным. Писатель не ограничивается критикой господствующей концепции. Poleмика с идеологическими штампами выстраивается на другом уровне, где, собственно, и становится необходимым возвращение к аутентичному пониманию классической литературы.

Например, возвращение к Л.Н. Толстому совершается в особых экзистенциальных обстоятельствах: тюрьма, предсмертные состояния, решение вопросов о душе, смысле жизни, совести, правде и лжи. Идеология в лучшем случае могла предложить лишь эрзац-ответы на эти вопросы, а чаще всего попросту их игнорировала. Лучшие герои Солженицына, не поддающиеся воздействию идеологических подмен, открывают существование новой реальности, которая настойчиво напоминает им о вечной актуальности вопросов, поставленных

Толстым. Так, профессор Челнов, писавший в графе «национальность» не «русский», а «зэк», автор многих технических изобретений, восемнадцатый год находившийся в тюрьме, «утверждал, что выражение это — “вложить душу”, должно употребляться с осторожностью, что только зэк наверняка имеет бессмертную душу, а вольняшке бывает за суетою отказано в ней... Челнов не скрывал, что это рассуждение он заимствовал у Пьера Безухова. Когда французский солдат не пустил Пьера через дорогу, известно, что Пьер расхохотался: “Ха-ха! Не пустил меня солдат. Кого — меня? Мою бессмертную душу не пустил!”» [1: с. 181–182]. Таким образом Солженицын перебрасывает мостик от героя Толстого к своему персонажу. Толстой одним из первых дал формулу внутренней свободы в условиях плена, и этот опыт оказался созвучен человеку XX в. Родство психологических переживаний Пьера Безухова и профессора Челнова позволяет отнести героев разного времени к одному психологическому типу, как будто подтверждая наблюдение современного теоретика литературы о типологии литературных героев: «Тип персонажа — понятие, позволяющее сблизить многочисленных литературных героев, часто перешагивая при этом через границы национальных литератур, нередко и через рубежи периодов, выделяемых при изучении литературного процесса» [8: с. 10]. Подобного рода «перешагивание» границ становится возможным благодаря близости опыта человеческого существования.

Еще раз обратим внимание, что речь идет не о заимствовании как таковом, а об актуальности и ценности открытия Толстого для обитателя марфинской шарашки. Профессор Челнов, как и многие другие герои «Круга первого», выпал из стандартной ячейки идеологического невода, но не потерял свое субстанциональное «я», а обрел его. Выразительной оказывается и семантика одежды Челнова: недорогой костюм, пиджак и брюки, не совпадающие по цвету, валенки, вязаная шапочка, «чудаковатый шерстяной плед, тоже отчасти похожий на теплый женский платок» [1: с. 182]. Солженицын подчеркивает, что герой при этом выглядел не смешным, а величественным и даже похожим то ли на Архимеда, то ли на Декарта. Что же придавало ему величия? Вероятно, это сознание внутренней правоты, особая подлинность личности, умение хранить «нерушимый покой в душе» в невыносимых обстоятельствах. Признание величия в скромной и вызывающе простой фигуре Челнова — это еще один знак возвращения Солженицына к толстовской традиции. Так, критик Н.Н. Страхов еще в XIX в. утверждал, что в словах «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды» заключена главная мысль романа «Война и мир» [7: с. 329].

Возвращается к Толстому и одна из любимых Солженицыным героинь Агния. В споре с Антоном Яконовым она рассуждает о возможностях женщины, вспоминает Наташу Ростову и говорит, что обязательно отпустила бы Пьера в декабристы [1: с. 141]. Впрочем, ее избранник оказался ложным героем, он не стремится к подвигу, предпочитая ему путь партийного карьериста, сопряженный с нравственными компромиссами, ложью и подлостью.

В других случаях именно классическая литература подсказывает пути решения вопросов, ответы на которые мучительно ищут герои Солженицына. В записке Нержина о тайне русской революции 1917 г. отчетливо слышится реминисценция из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «Так и Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, сейчас же и тут же оборвалась в худшую из тираний» [1: с. 28].

Русская и мировая классика выступает на страницах романа как некое целое, создающее определенную ценностную шкалу, не считаться с которой невозможно. Например, изображение Сталина как тирана в «сталинских» главах романа в высшей степени литературно, и это далеко не случайно. Предельно жестко и иронично Солженицын пишет о журналистах и писателях, прославлявших Сталина: «А русские писатели, смевшие вести свою родословную от Пушкина и Толстого, удручающе-приторно хвалословили тирана» [1: с. 213]. Рассказ об именинах Нержина на шарашке, напротив, согрет воспоминанием о лицейском братстве (глава 58 называется «Лицейский стол») и наполнена цитатами из «Евгения Онегина» Пушкина.

Восприятие литературы прошлого как некоего целого, берущего начало в древности, не впервые появляется в русской литературе. У романа А.И. Солженицына есть предшественники. В частности, сообщается о загадочных симпатиях Сталина к пьесе М.А. Булгакова «Дни Турбиных» [1: с. 125]. Так неявно подается намек на роман «Белая гвардия», в тексте которого, по мысли современного исследователя, «собраны те старые имена, на которые опирается булгаковская новизна. “Капитанская дочка”, “Война и мир”, “Бесы” — не только исконные ценности мира Турбиных; писатель называет те жизненные пласты, которые обнажаются в вихре громоздящихся событий» [2: с. 410].

В текстах произведений Булгакова выявлены два типа реминисценций: основанные либо на точном лексическом совпадении, либо на идеологическом соответствии [2: с. 412]. Эта модель взаимодействия с предшествующей литературой унаследована и автором романа «В круге первом». При этом А.И. Солженицыным воплощены два типа событийности: внешний и внутренний. Внутренний предполагает повествование о разного рода поисках, прозрениях, открытиях, переменах. Они либо остаются достоянием внутреннего мира, либо обнаруживаются в диалогах героев. Произведения русской и мировой классики постоянно становятся незримыми участниками этого диалога.

Прозрения, догадки, открытия солженицынских героев — это не обычные переживания. Они близки к тому, что В. Дильтей называл словом *Erlebnis*, — моменту интенсивной жизненности, подъема, движения к целому [3: с. 248]. Так совершенно неожиданно и по-новому открывается героям романа смысл гетевского «Фауста»: «Но разобраться — не посмеялся ли Гете над человеческим счастьем? Ведь на самом-то деле никакой пользы, никакому человечеству. Долгожданную сакраментальную фразу Фауст произносит в одном шаге от могилы, обманутый и, может быть, правда обезумевший? — и лемуры тотчас же

спихивают его в яму. Что же это — гимн счастью или насмешка над ним?» [1: с. 37]. А художник Кондрашев, к примеру, отказывается считать Шекспира устаревшим писателем: «Что устарело? Злодейство устарело??? Да только в нашем веке оно и проявилось впервые, при Шекспире были телячьи забавы!» [1: с. 276].

Далеко не случаен в романе образ волшебного замка, обитатели которого творят «сказочные перемены: водопровод, канализацию, центральное отопление» [1: с. 50]. Образ оказывается многозначным, разомкнутым как в сторону персонажной, так и авторской сферы. Будучи спроецированным на автора, образ позволяет видеть в нем волшебника, «расколдовывающего» обитателей замка от злых чар. Этот волшебник возвращает людям вещи в их подлинном обличье и значении. Волшебные действия совершены автором не только по отношению к «сосланным навечно», но и по отношению к произведениям русской и мировой классики, которые, как казалось, могли быть утрачены навсегда. Здесь таится скрытое поэтическое начало романа «В круге первом».

Л. Лосев, много писавший о литературности сюжетных ходов романа «В круге первом», усматривал замысел писателя в идее спасения России через обращение ее к высокой культуре [10]. Добавим от себя: к высокой антропологической культуре, заключенной в произведениях мировой классики. Солженицын и его герои продолжают размышлять, сомневаться, искать вместе с героями мировой литературы и таким образом выявляют новые ее смыслы, неочевидные ранее. На этом пути творчество Солженицына перекликается с идеями русской философской критики Серебряного века и писателей русского зарубежья. Но эта тема заслуживает отдельного разговора.

Библиографический список

Источники

1. *Солженицын А.И.* В круге первом. М.: Наука, 1996. 611 с.

Литература

2. *Альми И.Л.* Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и традиции русской классики // Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб.: Семантика-С; Скифия, 2002. С. 410–430.
3. *Бибихин В.В.* История современной философии (единство философской мысли). СПб.: Владимир Даль, 2014. 398 с.
4. *Воронский А.К.* На перевале (дела литературные) // Воронский А.К. Искусство видеть мир (о новом реализме). М.: Сов. писатель, 1987. С. 396–406.
5. *Немзер А.С.* Жизнь и Поэзия в романе «В круге первом» // Солженицынские тетради: материалы и исследования: [альманах]. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 101–117.
6. *Нива Ж.* Александр Солженицын: Борец и писатель. СПб.: Вита Нова, 2014. 336 с.
7. *Страхов Н.Н.* Война и мир. Сочинение гр. Л.Н. Толстого. Т. V, VI // Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. С. 323–352.
8. *Чернец Л.В.* Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 4 (24). С. 8–16.
9. *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997. Т. 1. 542 с.

Интернет-ресурсы

10. Лосев Л. Поэзия и правда у Солженицына. [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1158 (дата обращения: 18.11.2017).

References*Istochniki*

1. *Solzhenitsyn A.I.* V krughe pervom. M.: Nauka, 1996. 611 s.

Literatura

2. *Al'mi I.L.* Roman M. Bulgakova «Master i Margarita» i tradicii russkoj klassiki // *Al'mi I.L.* O poe'zii i proze. SPb.: Semantika-S; Skifiya, 2002. S. 410–430.

3. *Bibixin V.V.* Istoriya sovremennoj filosofii (edinstvo filosofskoj my'sli). SPb.: Vladimir Dal', 2014. 398 s.

4. *Voronskij A.K.* Na perevale (dela literaturny'e) // *Voronskij A.K.* Iskusstvo videt' mir (o novom realizme). M.: Sov. pisatel', 1987. S. 396–406.

5. *Nemzer A.S.* Zhizn' i Poe'ziya v romane «V krughe pervom» // *Solzhenitsyn'skie tetradi: materialy' i issledovaniya: [al'manax]*. M.: Russkij put', 2012. Vy'p. 1. S. 101–117.

6. *Niva Zh.* Aleksandr Solzhenitsyn: Borec i pisatel'. SPb.: Vita Nova, 2014. 336 s.

7. *Straxov N.N.* Vojna i mir. Sochinenie gr. L.N. Tolstogo. T. V, VI // *Straxov N.N.* Literaturnaya kritika. M.: Sovremennik, 1984. S. 323–352.

8. *Chernecz L.V.* Tip personazha i ego evoluciya // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2016. № 4 (24). S. 8–16.

9. *Chukovskaya L.K.* Zapiski ob Anne Axmatovoj: v 3 t. M.: Soglasie, 1997. T. 1. 542 s.

Internet-resursy'

10. *Losev L.* Poe'siya i pravda u Solzhenitsyn'a. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1158 (data obrashheniya: 18.11.2017).

S.A. Martyanova

**Russian and World Classical Literature
in A.I. Solzhenitsyn's Novel «In the First Circle»**

The subject of the article is the presence nature of texts of Russian and world classics in A. Solzhenitsyn's novel «In the First Circle». The author of the article shows how Solzhenitsyn defends the authentic character of reading classical works in a counter to the “archaeological” type of hermeneutics, prevailing in official literary criticism and in educational programs of the Soviet time. It is emphasized, that the ideas of Solzhenitsyn and Russian philosophers of Silver Age, writers of the Russian diaspora, and representatives of independent national literature, have much in common.

Keywords: literary classical works; reminiscence; intertext; reality.